

Д.С. Коньков

DOCTILOQUUS СИДОНИЯ АПОЛЛИНАРИЯ: СЛОВО КАК СОЦИАЛЬНОЕ ДЕЙСТВИЕ

Рассматривается использование латинского слова *doctiloquus* галло-римским писателем V в. Сидонием Аполлиnaireм. Цель данной статьи – выявление интенций Сидония при использовании в своих работах редких лексем на примере термина «*doctiloquus*». Исследование основано на герменевтической интерпретации и сравнительном анализе поэм и писем Сидония Аполлиnaireя. Сделан вывод, что в основе действий Сидония лежит репрезентация себя как выдающегося ритора ради получения покровительства при продвижении по карьерной лестнице.

Ключевые слова: Сидоний Аполлиnaireй; Лев Нарбоннский; поздняя Античность; римская Галлия; позднеримская аристократия; Вестготское королевство.

В середине V в. в южной Франции сложилась чрезвычайно комплексная и интересная политическая ситуация. Прогрессирующий упадок центральной власти привел к большой самостоятельности региональных элит. В особенности активно проявляла себя галльская аристократия, попытавшаяся при поддержке военных формирований вестготов привести к власти в Италии своего представителя – Авита. Попытка оказалась неудачной. Сама аристократия не была монолитна, раздираемая вопросом отношения к вестготам, бургундам, императору, папе и к прочим властным локусам. Все эти процессы хорошо видны на примере текстов Сидония Аполлиnaireя, аристократа, поэта, оратора, политика и, наконец, епископа Клермона. Сидоний маневрировал в сети социальных связей, пытаясь сохранить свой статус, сделать карьеру, достичь престижного положения префекта или консула, что удавалось ему с переменным успехом. Как представляется, главная цель его текстов – поэм и писем – способствовать выживанию и продвижению в чиновничьей иерархии поздней империи. В этом смысле используемые им термины и выражения призваны вносить свой вклад в достижение этой цели. Рассмотрению одного из этих терминов в контексте его социального воздействия посвящена данная статья.

В панегирике своему другу Консентию Сидоний с ностальгией вспоминает о поездке в Нарбонну. Он пишет: «...o convivia, fabulae, libelli, risus, serietas, dicacitates, occursus, comitatus unus idem, seu delubra dei colenda nobis <...> sive ad doctiloqui Leonis aedes (quo bis sex tabulas docente iuris ultro Claudius Appius lateret claro obscurior in decemviratu; at si dicat epos metrumque rhythmis flectat commaticis tonante plectro, mordacem faciat silere Flaccum, quamvis post satiras lyramque tendat ille ad Pindaricum volare cygnum)» [1. P. 260] – «О пиры, и разговоры, и книги, смех, серьезность, остроумные замечания, счастливые встречи, и неизменная поддержка, божий храм ли был почтен нашим присутствием, или дом красноречивого Льва (Если бы Лев участвовал в составлении Двенадцати Таблиц, Аппий Клавдий должен был бы умалить свой вклад, и в его столь блистательном децемвирате Лев был бы значимой фигурой; если же Лев бы занялся эпическим жанром, ведя стих чеканным слогом своего громового плектра, он заставил бы даже придиричьего Флакка замолчать, хотя этот поэт после своих Сатир и Од, должно быть, стремился взлететь к высоко-

там лебеда Пиндара)». В этом фрагменте текста обращает на себя внимание лексема *doctiloquus*, используемая для характеристики Льва Нарбоннского – означающая буквально «говорящий учено, умело» [2. С. 344; 3. P. 568]. Этот термин примечателен своей редкостью и необычностью. Латинские авторы практически не использовали его – он не встречается ни в текстах таких классиков, как Цицерон или Овидий, ни в работах тех, на кого Сидоний непосредственно ориентировался – Плиния Младшего, Фронтонна, Авзония, ни в сочинениях современников Сидония – Августина, Орозия, Эннодия, Идация, ни в более поздних трудах Иордана, Григория Турского, Исидора Севильского. В этой связи закономерен вопрос, почему именно Сидоний Аполлиnaireй использовал его, и именно в контексте характеристики своего знакомого из Нарбонны.

Цель данной статьи – выявление интенций Сидония при использовании в своих работах редких лексем на примере термина «*doctiloquus*». Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи: 1) определить этимологию, происхождение и семантическое значение термина; 2) определить семантический контекст его использования Сидонием Аполлиnaireм; 3) выявить лексически близкие и подобные термины в текстах Сидония и их семантическое значение; 4) определить исторический и биографический фон использования лексемы «*doctiloquus*» и ей подобных. Соответственно, в работе применены методы герменевтической интерпретации Х.-Г. Гадамера, сравнительного анализа, принцип историзма и элементы биографического подхода.

Настоящая интерпретация текста основывается на принципах герменевтического анализа источника, предложенных И.Н. Данилевским (в свою очередь, базирующихся на подходе Г. Гадамера) [4], аналитике позднеримского источника в историческом контексте, осуществленной А. Камероном на материале речей Синезия Киренского [5], специфике авторской позиции в раннесредневековых текстах, показанной в уже ставшей классической работе У. Гоффарта [6], и на трактовках личности и творчества Сидония Аполлиnaireя Дж. Харрис и Р. Матисена [7–9].

О термине «*doctiloqui*» в I в. до н.э. писал Теренций Варрон в произведении, являвшемся впоследствии настольной книгой любого знатока латинского языка, ритора и грамматика – *De lingua latina*. Данная

работа посвящена этимологии и разъяснению значения слов, очевидно, не вполне ясных с точки зрения контекста использования. Она использовалась в качестве учебника в латинских школах грамматики, и Сидоний не мог о ней не знать. Варрон ссылается в трактовке значения «*doctiloquus*» на Энния [10. Р. 308], автора II в. до н.э., однако труд последнего (очевидно, известные *Анналы*) сохранился во фрагментах, и о значении искомого слова можно судить только по процитированному Варроном отрывку. В нем говорится следующее: когда дело является очень важным, выбирают сильнейших ораторов, которые это дело могут изложить наиболее приемлемым образом, т.е. это «ораторы, учено говорящие» (*Cum res maior erat, orationi legabantur potissimum qui causam commodissime orare poterant. Itaque Ennius ait – oratores doctiloqui*) [11. Р. 438–439]. Очевидно, что под важным делом имеются в виду судебные процессы или законодательные инициативы, а ораторы необходимы для выступлений в комициях или сенате.

Следовательно, «учено говорящий» подразумевает не просто красноречивость, как, к примеру, транслирует это понятие У. Андерсон в своем переводе поэм Сидония, а более сложный образ, включающий в себя авторитет, широкую эрудицию, правовые, политические, риторические умения. Это превосходная степень характеристики римского государственного деятеля, политика и интеллектуала, искусно презентующего свой вопрос перед советом или народным собранием. Подобный контекст свойствен для политической жизни республиканского Рима, построенной на соревновательном принципе. В ее условиях искусство убеждения критически настроенных и равных по статусу, образованности и влиянию оппонентов ценилось чрезвычайно высоко. Принимая во внимание этот контекст, становится ясно, что в период империи данный термин не был востребован в силу его республиканских смысловых интенций.

Тем не менее Сидоний считает возможным применить его для характеристики Льва Нарбоннского – но при этом делает это не в полном соответствии с семантикой, обозначенной Варроном. Коррекция семантического поля «*doctiloquus*» Сидонием довольно сильна. Она выделена в отдельный структурный фрагмент, сравнивающий Льва с Аппием Клавдием и Горацием. По сути, эти сравнения призваны разъяснить читателю, что именно Сидоний подразумевает под «учено говорящим», что вполне понятно в свете редкости и нетривиальности этого термина. В первую очередь обращается внимание на ученость в законах – эрудицию и умение толковать, улавливать суть правовых отношений. Сидоний сравнивает Льва с Аппием Клавдием (Крассом), децемвиром 451 г. до н.э., одним из создателей хрестоматийных Законов Двенадцати Таблиц – основы римского права. Это позволяет предположить, что Лев Нарбоннский также имел непосредственное отношение к правотворчеству, что, в свою очередь, указывает на его влиятельный должностной статус в рамках города и провинции. Действительно, в другом месте Сидоний называет Льва *vir spectabilis* [1. Р. 232], что подразумевает ранг государственного должностного лица уровня викария,

комиата или дукса, т.е. одного из ведущих представителей провинциальной администрации [12. С. 89–92]. Для Сидония подобное знакомство, безусловно, представляло интерес, имея в виду возможную поддержку и опору в карьере.

Более того, Сидоний утверждает, что Лев мог бы затмить Аппия Клавдия, окажись они вместе в децемвирате [1. Р. 260]. Это сопоставление выглядит исключительно лестным для Льва, однако при ближайшем рассмотрении вызывает вопросы. В описании событий децемвирата 451 г. до н.э. и римские, и современные историки ориентируются на слова Тита Ливия и Дионисия Галикарнасского. И тот, и другой характеризуют Аппия Клавдия исключительно негативно (в особенности Тит Ливий, обвиняющий главу децемвиров в лицемерии, похотливости, стремлении к узурпации, злоупотреблении должностными полномочиями и т.д.) [13. С. 144–165; 14. С. 113–155]. В начале V в., уже во времена Сидония, эту позицию в краткой форме воспроизводит Павел Орозий в своей «Истории против язычников» [15. С. 165–166]. Если исходить из предположения, что Сидоний был хорошо знаком с историческими работами Тита Ливия или Орозия и знал о негативной характеристике Аппия Клавдия, то подобное сравнение выглядит неприкрытым оскорблением. Однако более вероятно, что Сидоний хотел написать именно похвалу, подчеркнуто ассоциировав Льва с Аппием Клавдием только по принципу законотворчества. Этические и нравственные оценки личности Аппия Клавдия в данном случае вынесены за скобки и, по всей видимости, просто не волнуют Сидония, хотя именно они составляют повествовательный пафос в сюжете о децемвирах в исторических хрониках.

Сидоний не столько впечатлен юридическими дарованиями Льва, сколько его литературным талантом – и это также включено в понимание эпитета «*doctiloquus*». Поэзия, красноречие, риторическое искусство – в дискурсивном пространстве Сидония эти понятия занимают почетные места. Именно через них он презентует собственный социальный вес и авторитет, идентифицирует себя как общественно значимого. Лев, как пишет Сидоний, «учено говорит» эпическими и метрическими ритмами, чеканным слогом своего громового плектра заставляет замолчать самого Горация, в свою очередь достигшего высот полета крылатого лебедя – поэзии Пиндара [1. Р. 260]. У.Б. Андерсон усматривает в этих строках парафраз собственно Горация [16. Р. 314]. Действительно, в оде к Юлу Антонию Гораций говорит о Пиндаре как диркейском лебедь (*multa Dircaeum levat aura cygnum...* (стих 25)), а чуть ниже упоминает о его полнозвучном плектре (*concines maiore poeta plectro* (стих 33)) [17. С. 109–110]. Очевидно, Сидоний использует этот случай, чтобы подчеркнуть собственный уровень владения классическими литературными текстами, которыми он может достаточно свободно оперировать, чтобы гармонично вставлять в свою работу. В предыдущей аналогии, построенной по идентичной схеме, но исторической, а не литературной, Сидоний не обращался к подобной игре коннотаций. Вероятно, не потому, что не хотел бы, но по причине отсутствия

интереса к истории и необходимым знаниям. Приоритет поэтического дискурса над историческим в данном тексте Сидония достаточно очевиден.

Слово *doctiloquus*, помимо описания Льва Нарбоннского, употреблено Сидонием только один раз, в поэме «*Burgus Pontii Leonii*». Сидоний помещает этот эпитет в развернутый контекст описания шествия Аполлона. Описание насыщено упоминаниями различных персонажей и чудовищ эллинистической мифологии – грифонов, муз, Пифона, змея Эскулапа, Пегаса и, наконец, Кротоса. Сидоний пишет следующим образом: «Здесь и пушистые складывал Пегас крылья, несущий Кротоса, [дарующего] учено говорящему красноречие [своею] ногою» (*hic et crinisatas iungebat Pegasus alas, portans doctiloquo facundum crure Crotonem*) [1. P. 246]. Здесь необходимо отметить, что Пегас в античной традиции был соотнесен с мудростью, а не с творчеством, как в период Возрождения. Коннотация мудрости в образе Пегаса основана на отсылке через него к образу Афины (что встречается у Пиндара) [18. С. 54]. Таким образом, Сидоний в данном случае повторяет ассоциацию учености с Афиной. Но учено или умело говорящему красноречие несет не просто Пегас, а едущий на нем Кротос, антропоморфное воплощение физического и духовного соединения разнородных сущностей. Сидоний ориентировался в трактовках мифологических фигур, среди прочего, на распространенную в период поздней Античности «Астрономию» Гигина [19. С. 55, 73–74].

Кротос в «Астрономии» – кентавр или сатир, сын музы и мастер в свободных искусствах и, одновременно, в охоте. Знаками его умений являются лошадиные ноги и хвост сатира. Кротос верхом на Пегасе – свободные искусства и мудрость, образованность. Семантически этот образ несколько избыточен и химеричен, так же, как избыточно само слово *doctiloquus* в тезаурусе Сидония. Однако этот пример вновь отсылает к пониманию данного эпитета как синтеза смысловых линий эрудированности, мудрости в философском ключе, с одной стороны, и поэтического дара – с другой. Гротескность аллегории, созданной Сидонием, может восприниматься как очередной пример его тяжеловесного стиля (к чему склоняется У. Андерсон), но возможен и другой вариант толкования – Сидоний, осознанно или нет, отразил собственное видение подобного сочетания. Красноречие (подразумевающее владение поэтическим и риторическим мастерством) для него имеет самодостаточную ценность и законченность, что делает избыточным такое дополнение к нему, как мудрость. Отсюда происходит та специфичная дистанция, которую формирует в своих текстах Сидоний между собой и Львом Нарбоннским, включая последнего в собственное социальное пространство и одновременно создавая для него уникальное место в нем.

Сидоний не только использует архаичное и анахроничное понятие, но и вводит новый термин, неологизм, созданный им по подобной схеме. Это *doctisonus* (*doctus+sonus*), «учено звучащий» [2. С. 344]. Такой оборот не встречался ранее в известных источниках, поэтому велика вероятность изобре-

тения его Сидонием. Для этого автора характерно стремление к словотворчеству через формирование составных терминов. Слово *doctisonus* он использует в эпиталаме, посвященной свадьбе Аранеолы, дочери нарбоннского аристократа Магнуса [20. P. 126], и Полемиа, галльского аристократа и философа, ставшего впоследствии префектом Галлии [Ibid. P. 895]. Время написания этой эпиталамы относится к 460-м годам, так же, как и другие рассмотренные здесь поэмы. Контекст появления *doctisonus* сходен со случаями использования *doctiloquus* – это сопоставление поэтического и философского начал. По сюжету эпиталамы Аранеола является служительницей храма Афины и вышивает сценки браков из различных известных античных мифов. Однако вдруг, достаточно резко, ее внимание переходит на сценки из жизни философов. Эту связку двух реальностей, далеких друг от друга в мировоззрении Сидония, осуществляет термин «*doctisonus*». Сидоний пишет: «...но вот дева, оглянувшись, видит Тритониду обратившей свой взгляд на учено звучащего, желая пристальнее его рассмотреть» (*Cum virgo aspiciens vidit Tritonida verso lumine doctisonas spectare libentius artes*) [1. P. 238]. Далее уже идет речь о философе-кинике. Посредством этого перехода идея брака объединяется с образом философа, что дает возможность Сидонию подвести эпиталаму к ее непосредственной теме союза Аранеолы и Полемиа. В этом ему помогает отсылка к Афине, которая, очевидно, тесно связана с понятием учености во взглядах Сидония. Тритонида в приведенном фрагменте – эпитет Афины, происходящий от легенды о ее рождении в результате брака нимфы озера Тритонис в Ливии и Посейдона, приводимой Павсанием [21. С. 47]. Образ Афины объединяет поэзию и ученость в семантическом пространстве Сидония, поскольку сам по себе является частью мифопоэтического канона, но при этом указывает на ученую мудрость. Опираясь на эту и другие мифопоэтические фигуры, Сидоний ведет разговор о чуждой для него области на собственном языке и по собственным правилам.

Создавая лексему *doctisonus* по образцу *doctiloquus*, Сидоний следует своему опыту написания панегириков. Пара *doctiloquus* – *doctisonus* находит соответствие в ранних текстах Сидония в паре *dulciloquus* – *dulcisonus* («сладкоречивый» – «сладкозвучный») [2. С. 351]). Так же, как и в первом случае, *dulciloquus* является отсылкой к классическим авторам (вероятно, к Апулею, использовавшим это слово в «Апологии» – *...cedent uicta tuo dulciloquo calamo* – «ежели в гулкой тростник ты соизволишь подуть», перевод Е. Рабинович [22. С. 34]); впрочем, оно не было столь уж редким и во времена Сидония, поскольку Аврелий Августин употребляет его в своей Исповеди (*...simul legere libros dulciloquos* – «вместе читали сладкоречивые книги» – перевод Киевской Духовной Академии [23. С. 518]).

Сам Сидоний цитирует в одном из писем 478–479 г. написанную им поэму, в которой в хвалебном контексте использована характеристика «сладкоговорения» – «...видеть Орфея, который ежедневно смягчает скалы и твердые, как рог, деревья мелодией искусства сладкоговорения» (*...Orpheum visere, qui со-*

tidiana saxa et robora corneasque fibras mollit dulciloqua canorus arte). Как упоминает здесь же Сидоний, эти стихи связаны с посещением Бордо [1. Р. 139]. У. Андерсон полагает, что визит в Бордо состоялся в тот же период, что и посещение Нарбонны – в начале 460-х гг. [16. Р. xxxix]. Поэма была посвящена Лампридию, известному в Галлии поэту, находившемуся в фаворе у Майориана, а затем – у Эвриха [20. Р. 656]. Можно предположить, что способность этого человека входить в доверие к правителям делала его интересным для Сидония, поэтому он указывал на дружеские отношения с Лампридием. Кроме того, Лампридий – коллега Сидония по образованию, роду деятельности и карьере, что давало Сидонию основания для сближения, формирования групповости. Использование редкого и неординарного слова, отсылающего к классической и исключительно лестной поэме Апулея, было большим шагом в этом направлении. Это являлось реверансом в сторону адресата – Лампридия, но также показывало образованность автора – Сидония. Последний применяет этот термин как эпитет флейты музы Эвтерпы, покровительницы образования и поэтов (*dulciloquis calamos Euterpe flatibus arguet*) [24. Р. 280]. Подобным же образом понимает его Августин – как связанный с лирикой, поскольку помещает его в пассаж о светских утехах. Явно, что семантическое контекст поздней Античности связывает *dulciloquus* с лирической поэзией.

Сидоний использовал этот термин для достижения нескольких целей – так же, как и в случае с *doctiloquus*. Отличие же этих казусов в понимании и принятии терминов самим Сидонием, применительно к его картине мира и идентификации себя с общественной ролью. Безусловно, «сладко говорящий» для него более естественный и приемлемый в тезаурусе эпитет, чем «учено говорящий», поскольку первый входит в сферу поэзии (в которой Сидоний стремился обозначить свое лидерство), а второй – нет. Более того, «ученоговоряние» некоторым образом противостоит архетипическому образу Орфея, поэта-панегириста и лирика, с которым соотносил себя Сидоний, поскольку связано с формальными, политическими и юридическими мотивами.

Если термин «сладко говорящий» встречается у других авторов, то родственный или производный от него «сладкозвучный» впервые фиксируется именно у Сидония [2. С. 351] в контексте фразы «...*dulcisonum quatur fidibus dum rectine murmur...*» (сладкозвучный звон вибрирующих перебираемых струн) [1. Р. 202]. Следует отметить, что эта фраза была написана для прелюдии к панегирику императору Авиту, зачитанному в Риме в 456 г. Если прелюдия не была добавлена Сидонием постфактум, то это означает, что Сидоний прибегал к словотворчеству значительно раньше 460-х гг., в относительно молодом возрасте (около 25 лет), и имел успех – в его честь поставили статую на форуме Траяна. Это достижение стимулировало Сидония к повторению данного приема. В ситуации 460-х гг., когда Сидонию были жизненно необходимы признание и авторитет, он воспроизвел этот опыт. Представляется, что для него подобное словотворчество не являлось сложной и проблемной задачей, свя-

занной с семантическими нюансами. Он явно рассматривает термины «*dulciloquus*» – «*dulcisonus*» как синонимичные, взаимозаменяемые, возможно, просто путает их, поскольку эти эпитеты применяются равнозначно относительно звучания струн лиры как символа поэзии. Возможно, что и в случае пары *doctiloquus*–*doctisonus* Сидоний не видит между ними отличия.

Понятие «учено говорящий» не находило себе применения в течение нескольких столетий. Для Сидония и его современников «*doctiloquus*» должно было являться безусловным архаизмом, причем это несоответствие времени выходило на первый план в восприятии термина, затмевая изначальный контекст. Тем более оно обращает на себя внимание в тексте Сидония и заставляет задаться вопросом, почему оно нашло свое применение именно в нем. Представляется, что это не случайность. Сидоний сознательно подобрал и ввел в свой текст именно такое слово, которое ассоциируется с римской древностью и, одновременно, для круга посвященных, с классическим трудом о грамматике. Этим он хотел показать свой уровень знаний, произвести впечатление на читателей и подкрепить собственный образ ценителя и блюстителя классической римской культуры письма. Уникальность слова *doctiloquus* для римских текстов наводит на мысль, что Сидоний, используя его, также претендовал на уникальность в социальной роли, которую он для себя выбрал, или, возможно, даже создал. Кроме того, обращение к раритетной архаике может свидетельствовать о сравнительной слабости позиции Сидония или о его стремлении выглядеть наилучшим образом в конкретной ситуации.

Действительно, данное словоупотребление в текстах Сидония привязано к отдельному эпизоду в его биографии. Слово *doctiloquus* использовано Сидонием всего два раза, только в поэмах, но не в письмах. Оба случая связаны с посещением Нарбонны – о чем говорит сам автор (*dum apud Narbonem quondam Martium dictum sed nuper factum moras necto*) [1. Р. 243]. То же самое можно сказать и о термине «*doctisonus*», появившемся в эпиталаме на свадьбу дочери ведущего нарбоннского аристократа Магнуса. Это позволяет предположить, что появление данных слов в тезаурусе Сидония связано с посещением Нарбонны, как результат его общения и знакомств, а исчезновение – с тем, что данный эпитет остался чужеродным для него, не вписавшись в сложившийся персональный дискурс. Поездка в Нарбонну, знакомство с ее аристократическими кругами, связи, которые выстроились благодаря этому знакомству – все это имело место незадолго до 462 г., когда город перешел под контроль вестготов. Поэма «*Burgus Pontii Leonii*» (поэма 22) была написана непосредственно во время визита в Нарбонну, панегирик Консентию (поэма 23) – около 462–463 гг., как полагает У. Андерсон [16. Р. Ivii]. Аудиторией обеих поэм являлась в первую очередь нарбоннская элита. Перед ней – или перед отдельными ее представителями – Сидоний хотел подчеркнуть свое уникальное знание ар-

хаичных слов и оборотов и, таким образом, собственную значимость.

Позиционировать себя наилучшим и выдающимся в каком-либо отношении для Сидония в этот период было жизненно важно, поскольку позволяло обратить на себя внимание и добиться покровительства. В начале 460-х гг. он находился, по сути, в опале, поскольку ранее поддерживал лионскую группировку провинциальной аристократии, выступившей против императора Майориана в 458 г. У Сидония в это время не было официальных постов, император закрыл для него возможности карьерного роста и не смягчал свое отношение, несмотря на попытки поэта реабилитировать себя [20. P. 116–117]. Сидоний был достаточно молод (около 30–35 лет) и амбициозен, но в сложившихся условиях для реализации своих амбиций мог рассчитывать только на сильное покровительство. Именно в Нарбонне жил один из его главных покровителей, Магнус, префект Галлии и консул империи 460 г. [Ibid. P. 700–701]. Влияние этого человека было чрезвычайно большим, и, возможно, именно на него рассчитывал произвести впечатление Сидоний. Хотя ни одна из рассматриваемых поэм не адресована непосредственно Магнусу, до него могли

дойти отзывы о них и соответствующе сформировавшаяся репутация Сидония, или же сам текст через третьи руки.

У. Андерсон полагает, что поэмы 9–24 были посвящены сыну Магнуса Феликсу и издавались Сидонием специально для него. Также исследователь доказывает, что поэмы 22 и 23, в которых было использовано слово *doctiloquus*, были написаны специально к изданию книги [16. P. Iv]. Такая возможность принципиально не меняет главный вывод данной статьи – использование сложных, архаических и семантически перегруженных терминов Сидонием в своих поэмах было призвано представить его перед читателями в наилучшем свете как поэта, ратора и эрудированного в латинской грамматике человека, ценного и уникального в своем роде. Читатели же представляли собой конкретную целевую аудиторию – наиболее родовитых и знаменитых чиновников Нарбонны, их друзей и родственников. Вероятно, подразумевался даже более тесный круг – семья и знакомые Магнуса, префекта претория Галлии при императоре Майориане, и сам Магнус, который мог покровительствовать Сидонию при движении последнего по карьерной лестнице.

ЛИТЕРАТУРА

1. Gai Sollii Apollinaris Sidonii Epistulae et Carmina. Monumenta Germaniae Historica. Berlin, 1887. T. VIII.
2. Дворецкий И.Х. Латино-русский словарь. М., 1976.
3. Oxford Latin Dictionary. Oxford : Clarendon Press, 1969.
4. Данилевский И.Н. Повесть временных лет: герменевтические основы толкования летописных текстов. М., 2004.
5. Cameron A., Long J. Barbarians and politics at the Court of Arcadius. Berkeley, 1993.
6. Goffart W. The Narrators of Barbarian History. Princeton, 1988.
7. Harries J. Sidonius Apollinaris and the Fall of Rome. Oxford, 1995.
8. Mathisen R.W. Epistolography, Literary Circles and Family Ties in Late Roman Gaul // Transactions of the American Philological Association. 1981. Vol. 111. P. 95–109.
9. Mathisen R.W. The Theme of Literary Decline in Late Roman Gaul // Classical Philology. 1988. Vol. 83, № 1. P. 45–52.
10. Varro. On the Latin language. Vol. I (1938). Books V–VII.
11. Remains of Old Latin. V. I: Ennius and Caecilius. Cambridge : Harvard University Press, 1935.
12. Чекалова А.А. Сенат и сенаторская аристократия Константинополя. IV – первая половина VII вв. М. : Наука, 2010.
13. Тит Ливий. История Рима от основания города. М., 1989. Т. 1.
14. Дионисий Галикарнасский. Римские древности. М., 2005. Т. 1.
15. Орозий П. История против язычников. М., 2004.
16. Sidonius. Poems. Letters. Books 1–2. Cambridge : Harvard University Press, 1936.
17. Q. Horati Flacci Opera. Edidit Fridericus Klingner. Leipzig : BSB B.G. Teubner Verlagsgesellschaft, 1970.
18. Пиндар. Вакхилид. Оды. Фрагменты. М., 1980.
19. Гигин. Астрономия. М., 1997.
20. The Prosopography of the Later Roman Empire. Cambridge : Cambridge University Press, 1980. Vol. II.
21. Павсаний. Описание Эллады. М., 2002. Т. 1.
22. Апулей. Метаморфозы и другие сочинения. М. : Худож. лит., 1988.
23. Блаженный Августин. Творения. СПб.: Алетейя, 2000. Т. 1.
24. Ausonius. London : William Heinemann, 1921. Vol. II.

Статья представлена научной редакцией «История» 13 июня 2018 г.

“Doctiloquus” by Sidonius Apollinaris: Word as a Social Action

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 444, 130–135.

DOI: 10.17223/15617793/444/16

Dmitriy S. Konkov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dkonkov@mail.ru

Keywords: Sidonius Apollinaris; Late Antiquity; Leo of Narbonne; Roman Gaul; late Roman aristocracy; Visigothic Kingdom.

The aim of this article is to identify Sidonius’s intentions which lay behind the use of rare lexemes in his works. An example of the lexemes is the term “doctiloquus”. This use of the term in the texts of Sidonius is connected with a particular episode in his biography. To achieve this aim, the etymology, origin and meaning of the term are given in the article; the semantic context of the use of the term by Sidonius Apollinaris is described; synonymous terms (such as “doctisonus”, “dulciloquus”, “dulcisonus”) and their meanings are found in Sidonius’s texts; the historical and biographical background of the use of the lexeme “doctiloquus” and others is determined. Methods of H.-G. Gadamer’s hermeneutic interpretation, comparative analysis, the principle of historicism and elements of the biographical approach are used to analyze the subject. The interpretation of the texts is based on the principles of hermeneutic analysis of the source proposed by I.N. Danilevsky. The author’s position analysis (W. Goffart) and the interpretations of

the personality and works of Sidonius Apollinaris by J. Harris and R. Mathisen are also used. Sidonius used the word “doctiloquus” only twice. Both cases are related to his visit to Narbonne. The same can be said about the term “doctisonus”, which appeared in the epithalamium for the wedding of the daughter of the leading Narbonne aristocrat Magnus. So, the appearance of these words in Sidonius’s thesaurus was connected with his visit to Narbonne as a result of his communication and acquaintances. Vice versa, the word’s disappearance could be explained by the fact that it was not incorporated into the actual personal discourse. Sidonius’s trip to Narbonne, his acquaintance with its aristocratic circles, connections that lined up thanks to this acquaintance – all this took place shortly before 462 when the city came under the control of the Visigoths. Sidonius’s audience was the Narbonne elite. For this elite, Sidonius wanted to emphasize his unique knowledge of archaic words and phrases and, thus, his importance. At the beginning of the 460s, he was in disgrace, since he previously supported the Lyon group of provincial aristocracy, which opposed Emperor Majorian in 458. At the time, Sidonius was young enough (c. 30–35) and ambitious; under the circumstances he needed a strong patronage to realize his ambitions. The author of the article believes that the use of complex, archaic and semantically overloaded terms in Sidonius’s poems was intended to present him to the readers as a person who is valuable as an erudite in the Latin grammar so that he could be patronized to move up the career ladder.

REFERENCES

1. Gai Sollii Apollinaris Sidonii. (1887) *Epistulae et Carmina. Monumenta Germaniae Historica*. Vol. VIII. Berlin: [s.n.].
2. Dvoretzkiy, I.Kh. (1976) *Latino-russkiy slovar'* [Latin-Russian dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk.
3. Glare, P.G.W. (1969) *Oxford Latin Dictionary*. Oxford: Oxford University Press.
4. Danilevskiy, I.N. (2004) *Povest' vremennykh let: germenevticheskie osnovy tolkovaniya letopisnykh tekstov* [The Tale of Bygone Years: the hermeneutic basis for the interpretation of chronicle texts]. Moscow: Aspekt-press.
5. Cameron, A. & Long, J. (1993) *Barbarians and politics at the Court of Arcadius*. Berkeley: University of California Press.
6. Goffart, W. (1988) *The Narrators of Barbarian History*. Princeton: Princeton University Press.
7. Harries, J. (1995) *Sidonius Apollinaris and the Fall of Rome*. Oxford: Oxford University Press.
8. Mathisen, R.W. (1981) Epistolography, Literary Circles and Family Ties in Late Roman Gaul. *Transactions of the American Philological Association*. 111. pp. 95–109.
9. Mathisen, R.W. (1988) The Theme of Literary Decline in Late Roman Gaul. *Classical Philology*. 83 (1). pp. 45–52.
10. Varro. (1938) *On the Latin language*. Vol. I. Books V–VII. London: W. Heinemann
11. Ennius & Caecilius. (1935) *Remains of Old Latin*. Vol. I. Cambridge: Harvard University Press.
12. Chekalova, A.A. (2010) *Senat i senatorskaya aristokratiya Konstantinopolya. IV – pervaya polovina VII vv.* [The Senate and senatorial aristocracy of Constantinople. The 4th – the first half of the 7th centuries]. Moscow: Nauka.
13. Titus Livius. (1989) *Istoriya Rima ot osnovaniya goroda* [The history of Rome]. Translated from Latin by V.M. Smirin. Vol. 1. Moscow: Nauka.
14. Dionysius of Halicarnassus. (2005) *Rimskie drevnosti* [The Roman antiquities]. Translated from Old Greek by N.G. Mayorova, I.L. Mayak. Vol. 1. Moscow: Izdatel'skiy dom “Rubezhi XXI”.
15. Orosius, P. (2004) *Istoriya protiv yazychnikov* [The Seven Books of History against the pagans]. Translated from Latin by V.M. Tyulenev. St. Petersburg: “Izdatel'stvo Olera Abyshko”.
16. Sidonius. (1936) *Poems. Letters*. Translated from Latin by W.B. Anderson. Books 1–2. Cambridge: Harvard University Press.
17. Horati Flacci, Q. (1970) *Opera. Edidit Fridericus Klingner*. Leipzig: BSB B.G. Teubner Verlagsgesellschaft.
18. Pindar. Bacchylides. (1980) *Ody. Fragmenty* [Odes. Fragments]. Translated from Old Greek by M.L. Gasparov. Moscow: Nauka.
19. Hyginus. (1997) *Astronomiya* [Poetic Astronomy]. Translated from Latin by A.I. Ruban. St. Petersburg: Aletyya.
20. Martindale, J.R. (ed.) (1980) *The Prosopography of the Later Roman Empire*. Vol. 2. Cambridge: Cambridge University Press.
21. Pausanias. (2002) *Opisaniye Ellady* [Description of Greece]. Translated from Old Greek by S.P. Kondrat'ev. Vol. 1. Moscow: Ladimir.
22. Apuleius. (1988) *Metamorfozy i drugie sochineniya* [Metamorphoses and other stories]. Translated from Latin BY M.L. Gasparov. Moscow: Khudozh. lit.
23. Saint Augustine. (2000) *Tvoreniya* [Writings]. Translated from Latin. Vol. 1. St. Petersburg: Aletyya.
24. Ausonius. (1921) *Ausonius: In 2 vols.* Translated from Latin by H.G. Evelyn-White. Vol. 2. London: William Heinemann.

Received: 13 June 2018